

Александр Васильевич Чаянов

**Путешествие моего брата
Алексея в страну
крестьянской утопии**

Александр Васильевич Чаянов

Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127880

Аннотация

Книга Герцена вдруг с треском захлопнулась сама собой, и пачка фолиантов упала с полки. Кремнев вздрогнул. В комнате душно запахло серой. Стрелки больших стенных часов завертелись все быстрее и быстрее и в неистовом вращении скрылись из глаз. Листки отрывного календаря с шумом отрывались сами собой и взвивались кверху, вихрями бумаги наполняя комнату. Стены как-то исказились и дрожали. У Кремнева кружилась голова, и холодный пот увлажнял его лоб. Он вздрогнул, и в паническом ужасе бросился к двери, ведущей в столовую, и дверь с треском ломающегося дерева захлопнулась за ним. Он тщетно искал кнопку электрического освещения. Ее не было на старом месте. Передвигаясь в темноте, он наткнулся на незнакомые предметы. Голова кружилась и сознание мутнело, как во время морской болезни. Истощенный усилиями, Алексей

опустился на какой-то диван, никогда не бывший здесь раньше, и сознание его покинуло.

Содержание

Глава первая, в которой благосклонный читатель знакомится с торжеством социализма и героем нашего романа Алексеем Кремневым	5
Глава вторая, повествующая о влиянии Герцена на воспаленное воображение советского служащего	8
Глава третья, изображающая появление Кремнева в стране Утопии и его приятные разговоры с утопической москвичкой об истории живописи XX столетия	12
Глава четвертая, продолжающая третью и отделенная от нее только для того, чтобы главы не были очень длинными	17
Глава пятая, чрезвычайно длинная, необходимая для ознакомления Кремнева с Москвой 1984 года.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Чаянов

**Путешествие моего
брата Алексея в страну
крестьянской утопии**

**Глава первая, в которой
благосклонный читатель
знакомится с торжеством
социализма и героем нашего
романа Алексеем Кремневым**

Было уже за полночь, когда обладатель трудовой книжки № 34713, некогда называвшийся в буржуазном мире Алексеем Васильевичем Кремневым, покинул душную, переполненную свыше меры большую аудиторию Политехнического музея

Туманная дымка осенней ночи застилала уснувшие улицы. Редкие электрические фонари казались затерянными в ухо-

дящих далях пересекающихся переулков. Ветер трепал желтые листья на деревьях бульвара, и сказочной громадой белели во мраке Китайгородские стены.

Кремнев повернул на Никольскую. В туманной дымке она, казалось, приняла свои былые очертания. Тщетно кутаясь в свой плащ от пронизывающей ночной сырости, Кремнев с грустью посмотрел на Владимирскую церковь, часовню Пантелеймона. Ему вспомнилось, как с замиранием сердца он, будучи первокурсником-юристом, много лет тому назад купил вот здесь, направо, у букиниста Николаева «Азбуку социальных наук» Флеровского, как три года спустя положил начало своему иконному собранию, найдя у Елисея Силина Новгородского Спаса, и те немногие и долгие часы, когда с горящими глазами прозелита рылся он в рукописных и книжных сокровищах Шибановского антиквариата – там, где теперь при тусклом свете фонаря можно было прочесть краткую надпись «Главбум».

Гоня преступные воспоминания, Алексей повернул к Иверским, прошел мимо первого Дома Советов и потонул в сумраке московских переулков.

А в голове болезненно горели слова, обрывки фраз, только что слышанных на митинге Политехнического музея:

«Разрушая семейный очаг, мы тем наносим последний удар буржуазному строю».

«Наш декрет, запрещающий домашнее питание, выбрасывает из нашего бытия радостный яд буржуазной семьи и до

скончания веков укрепляет социалистическое начало».

«Семейный уют порождает собственнические желания, радость хозяйчика скрывает в себе семена капитализма».

Утомленная голова ныла и уже привычно мыслила, не думая, сознавала, не делая выводов, а ноги машинально передвигались к полуразрушенному семейному очагу, обреченному в недельный срок к полному уничтожению, согласно только что опубликованному и поясненному декрету 27 октября 1921 года.

Глава вторая, повествующая о влиянии Герцена на воспаленное воображение советского служащего

Намазав маслом большой кусок хлеба, благословенный дар богоспасаемой Сухаревки, Алексей налил себе стакан уже вскипевшего кофе и сел в свое рабочее кресло.

Сквозь стекла большого окна был виден город, внизу в туманной ночи молочными светлыми пятнами тянулись вереницы уличных фонарей. Кое-где в черных массивах домов тускло желтели освещенные еще окна.

«Итак, свершилось, подумал Алексей, взглядываясь в ночную Москву Старый Морис, добродетельный Томас, Беллами, Блечфорт и вы, другие, добрые и милые утописты Ваши одинокие мечты стали всеобщим убеждением, величайшие дерзания – официальной программой и повседневной обыденщиной! На четвертый год революции социализм может считать себя безраздельным владыкой земного шара. Довольны ли вы, пионеры–утописты?»

И Кремнев посмотрел на портрет Фурье, висевший над одним из книжных шкафов его библиотеки.

Однако для него самого старого социалиста, крупного со-

ветского работника, заведующего одним из отделов Мирсовнархоза, как-то не все ладно было в этом воплощении, чувствовалась какая-то смутная жалость к ушедшему, какая-то паутина буржуазной психологии еще затемняла социалистическое сознание

Он прошелся по ковру своего кабинета, скользнул взором по переплетам книг и неожиданно для себя заметил вереницу томиков полузабытой полки. Имена Чернышевского, Герцена и Плеханова глядели на него с корешков солидных переплетов. Он улыбнулся, как улыбаются при воспоминаниях детства, и взял с полки том павленковского Герцена.

Пробило два часа. Часы ударили с протяжным шипением и снова смолкли.

Хорошие, благородные и детски наивные слова раскрывались перед глазами Кремнева. Чтение захватывало, волновало, как волнуют воспоминания первой юношеской любви, первой юношеской клятвы.

Ум как будто освободился от гипноза советской повседневности, в сознании зашевелились новые, небанальные мысли, оказалось возможным мыслить иными вариантами.

Кремнев в волнении прочел давно забытую им пророческую страницу: "Слабые, хилые, глупые поколения, – писал Герцен, протянут как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению летописей. А там? А там настанет весна, молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенче-

ства, полное недостроенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство, дикая свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории.

Основной тон его можно понять теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден будущей, неизвестной нам революцией".

– Новое восстание. Где же оно? И во имя каких идеалов? думалось ему – Увы, либеральная доктрина всегда была слаба тем, что она не могла создать идеологии и не имела утопий.

Он улыбнулся с сожалением. О вы, Милоновы и Новгородцевы, Кусковы и Макаровы, какую же утопию вы начертаете на ваших знаменах?! Что, кроме мракобесия капиталистической реакции, имеете вы в замену социалистического строя?! Я согласен, мы живем далеко не в социалистическом раю, но что вы дадите взамен его?

Книга Герцена вдруг с треском захлопнулась сама собой, и пачка фолиантов упала с полки.

Кремнев вздрогнул.

В комнате душно пахло серой. Стрелки больших

стенных часов завертелись все быстрее и быстрее и в неистовом вращении скрылись из глаз. Листки отрывного календаря с шумом отрывались сами собой и взвивались вверх, вихрями бумаги наполняя комнату. Стены как-то исказились и дрожали.

У Кремнева кружилась голова, и холодный пот увлажнял его лоб. Он вздрогнул, и в паническом ужасе бросился к двери, ведущей в столовую, и дверь с треском ломающегося дерева захлопнулась за ним. Он тщетно искал кнопку электрического освещения. Ее не было на старом месте. Передвигаясь в темноте, он натыкался на незнакомые предметы. Голова кружилась и сознание мутнело, как во время морской болезни. Истощенный усилиями, Алексей опустился на какой-то диван, никогда не бывший здесь раньше, и сознание его покинуло.

Глава третья, изображающая появление Кремнева в стране Утопии и его приятные разговоры с утопической москвичкой об истории живописи XX столетия

Серебристый звонок разбудил Кремнева.

– Алло, да, это я, – слышался женский голос. – Да, приехал, очевидно, сегодня ночью... Еще спит... Очень устал, заснул не раздеваясь... Хорошо, я позвоню.

Голос смолк, и шуршание юбок указало, что его обладательница вышла из комнаты.

Кремнев приподнялся на диване и протер в изумлении глаза. Он лежал в большой желтой комнате, залитой лучами утреннего солнца. Мебель странного и неизвестного Алексею стиля из красного дерева с зелено-желтой обивкой, желтые полуоткрытые занавеси окон, стол с диковинными металлическими приборами окружали его. В соседней комнате слышались легкие женские шаги. Скрипнула дверь, и все смолкло.

Кремнев вскочил на ноги, желая дать себе отчет в случившемся, и быстро подошел к окну.

На голубом небе, как корабли, плыли густые осенние об-

лака. Рядом с ними немного ниже и совсем над землей скользили несколько аэропланов, то маленьких, то больших, диковинной формы, сверкая на солнце вращающимися металлическими частями.

Внизу расстился город... Несомненно, это была Москва.

Налево высилась громада кремлевских башен, направо краснела Сухаревка, а там вдали гордо возносились Кадаши.

Вид знакомый уже много, много лет.

Но как все изменилось кругом. Пропали каменные громады, когда-то застилавшие горизонт, отсутствовали целые архитектурные группы, не было на своем месте дома Нирензее. Зато все кругом утопало в садах... Раскидистые купы деревьев заливали собою все пространство почти до самого Кремля, оставляя одинокие острова архитектурных групп. Улицы-аллеи пересекали зеленое, уже желтеющее море. По ним живым потоком лились струи пешеходов, авто, экипажей. Все дышало какой-то отчетливой свежестью, уверенной бодростью.

Несомненно, это была Москва, но Москва новая, преобращенная и просветленная.

Неужели я сделался героем утопического романа? – воскликнул Кремнев. Признаюсь, довольно глупое положение!

Чтобы ориентироваться, он стал осматриваться кругом, рассчитывая найти какой-нибудь отправной пункт к познанию нового окружающего его мира.

– Что ожидает меня за этими стенами? Благое царство социализма, просветленного и упрочившегося? Дикая анархия князя Петра Алексеевича? Вернувшийся капитализм? Или, быть может, какая-нибудь новая, неведомая ранее социальная система?

Поскольку можно было судить из окна, было ясно одно: люди жили на достаточно высокой ступени благосостояния и культуры и жили сообща. Но этого было бы еще мало, чтобы понять сущность окружающего.

Алексей с жадностью стал рассматривать окружавшие его вещи, но они давали весьма мало.

В большинстве это были обычные вещи, выделявшиеся только тщательностью своей отделки, какой-то подчеркнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был русифицированный Вавилон.

Над диваном, где проснулся Кремнев, очень глубоким и мягким, висела большая картина, привлекавшая его внимание. С первого взгляда можно было уверенно сказать, что это классическая вещь Питера Брейгеля-старшего. Та же композиция с высоким горизонтом, те же яркие и драгоценные краски, те же коротенькие фигурки, но... на доске были написаны люди в цветных фраках, дамы с зонтиками, автомобили, и, несомненно, сюжетом служило что-то вроде отлета аэропланов. Такой же характер носили несколько репродук-

ций, лежавших на соседнем столике.

Кремнев подошел к большому рабочему столу, сделанному из чего-то вроде плотной коробки, и с надеждой стал рассматривать разбросанные по столу книги. Это были 5-й том «Практики социализма» В. Шер'а, «Ренессанс кринолина, опыт изучения современной моды», два тома Рязанова «От коммунизма к идеализму», 38-е издание мемуаров Е Кусковой, великолепное издание «Медного всадника», брошюра «О трансформации В-энергии», и наконец его рука, дрожа от волнения, взяла номер свежей газеты.

Волнуясь, Кремнев развернул небольшой лист. На заголовке стояла дата 23 часа вечера 5 сентября 1984 года. Он перемахнул через 60 лет.

Не могло быть сомнения, что Кремнев проснулся в стране будущего, и он углубился в чтение газетного листа.

«Крестьянство», «Прошлая эпоха городской культуры», «Печальной памяти государственный коллективизм»... «Это было во времена капиталистические, то есть во времена доисторические...», «Англо-французская изолированная система» – все эти фразы и десятки других фраз пронизывали мозг Кремнева, наполняли его душу изумлением и великим желанием знать.

Телефонный звонок прервал его размышления. В комнате рядом послышались шаги. Дверь распахнулась, и вместе с потоком солнечных лучей вошла молодая девушка.

– Ах, вы уже встали, – весело сказала она. – Я проспала

вчера ваш приезд.

Звонок повторился.

– Простите, это должно быть, брат беспокоится о вас. Да, он уже встал... Не знаю, право. Сейчас спрошу. Вы говорите по-русски, господин... Чарли Мен, если не ошибаюсь.

– Конечно, конечно! – неожиданно для себя и очень громко воскликнул Алексей.

– Говорит, и даже с московским акцентом. Хорошо, я передам трубку.

Растерявшийся Кремнев получил в свои руки нечто, напоминавшее телефонную трубку старого времени, услышал привет, сказанный мягким басом, обещание заехать за ним в три часа, уверение в том, что сестра позаботится обо всем, и, кладя аппарат, осознал вполне, вполне отчетливо, что его принимают за кого-то другого, кому имя Чарли Мен.

Удача способствовала ему. Первое же письмо, им взятое, было подписано Чарли Меном, и в нескольких фразах его излагалось желание посетить Россию и ознакомиться с ее инженерными установками в области земледелия.

Глава четвертая, продолжающая третью и отделенная от нее только для того, чтобы главы не были очень длинными

Дверь растворилась, и молодая хозяйка вошла в комнату, неся над головой поднос с дымящимися чашками утреннего завтрака.

Алексей был очарован этой утопической женщиной, ее почти классической головой, идеально посаженной на крепкой сильной шее, широкими плечами и полной грудью, поднимавшей с каждым дыханием ворот рубашки.

Минутное молчание первого знакомства вскоре сменилось оживленным разговором. Кремнев, избегая роли рассказчика, увлек разговор в область искусства, полагая, что незатруднит этим девушку, живущую в комнатах, где на стенах висят прекрасные куски живописи.

Молодая девушка, которую звали Параскевой, с жаром юношеского увлечения повествовала о своих любимых мастерах: старом Брейгеле, Ван Гоге, старике Рыбникове и великолепном Ладонове. Пламенная поклонница неореализма, она искала в искусстве тайны вещей, чего-то или божьего или дьявольского, но превышающего силы челове-

ские.

Признавая высшую ценность всего сущего, она требовала от художника конгениальности с творцом вселенной, ценила в картине силу волшебства, искру прометееву, дающую новую сущность, и, в сущности, была близка к реализму старых мастеров Фландрии.

Из ее слов Кремнев понял, что после живописи эпохи великой революции, ознаменованной футуризмом и крайним разложением старых традиций, наступил период барокко-футуризма, футуризма укрощенного и сладостного.

Затем, как реакция, как солнечный день после грозы, на первое место выдвинулась жажда мастерства; в моду начали входить болонцы, примитивисты были как-то сразу забыты, а залы музеев с картинами Мемлинга, Фра Беато, Боттичелли и Кранаха почти не находили себе посетителей. Однако, подчиняясь кругу времени и не опуская своей высоты, мастерство постепенно получило декоративный наклон и создало монументальные полотна и фрески эпохи Варваринского заговора, бурной полосой прошла эпоха натюрморта и голубой гаммы, затем властителем мировых помыслов сделались суздальские фрески XII века, и наступило царство реализма с Питером Брейгелем как кумиром.

Два часа прошли незаметно, и Алексей не знал, слушать ли ему глубокий контральто своей собеседницы или же рассматривать тяжелые косы, заплетенные на ее голове. Широко открытые внимательные глаза и родинка на шее говори-

ли ему лучше всяких доказательств о превосходстве неореализма.

Глава пятая, чрезвычайно длинная, необходимая для ознакомления Кремнева с Москвой 1984 года.

Я повезу вас через весь город, сказал брат Параскевы, Никифор Алексеевич Минин, усаживая Кремнева в автомобиль, – и вы увидите нашу теперешнюю Москву. Автомобиль тронулся.

Город казался сплошным парком, среди которого архитектурные группы возникали направо и налево, походили на маленькие затерявшиеся городки.

Иногда неожиданный поворот аллеи открывал глазам Кремнева очертания знакомых зданий, в большинстве построенных в XVII и XVIII веках.

За густыми кронами желтеющих кленов мелькнули купола Барышей, расступившиеся липы открыли пышные контуры растреллиевского здания, куда Кремнев, будучи гимназистом, ходил ежедневно. Словом, они ехали по утопической Петровке. Сколько жителей в вашей Москве? – спросил Кремнев своего спутника.

– На этот вопрос не так легко ответить. Если считать территорию города в объеме территории эпохи великой револю-

ции и брать постоянно ночующее здесь население, то теперь оно достигает уже, пожалуй, 100000 человек, но лет сорок назад, непосредственно после великого декрета об уничтожении городов, в ней насчитывалось не более 30000. Впрочем, в дневные часы, если считать всех приехавших и обитателей гостиниц, то, пожалуй, мы получим цифру, превышающую пять миллионов.

Автомобиль замедлил ход. Аллея становилась уже; архитектурные массивы сдвигались все теснее и теснее, стали попадаться улицы старого городского типа. Тысячи автомобилей и конных экипажей в несколько рядов сплошным потоком стремились к центру города, по широким тротуарам двигалась сплошная толпа пешеходов. Поражало почти полное отсутствие черного цвета; яркие, голубые, красные, синие, желтые, почти всегда одноцветные мужские куртки и блузы смешивались с женскими очень пестрыми платьями, напоминавшими собою нечто вроде сарафанов с кринолином, но все же являющими собою достаточное разнообразие форм.

В толпе сновали газетчики, продавщики цветов, сбитня и сигар. Над головою толпы и потоком экипажей сверкали на солнце волнующиеся полотнища стягов и тяжей, увешанных флажками.

Почти под самыми колесами экипажей шныряли мальчишки, продававшие какие-то листочки и кричавшие благим матом:

– «Решительная!! Ваня-вологжанин против Тер– Маркельянца! Два жоха и одна ничка!»

В толпе оживленно спорили и перебрасывались возгласами, повторяя больше всего слова о плоцке и ничке.

Кремнев с изумлением поднял глаза на своего спутника. Тот улыбнулся и сказал:

– Национальная игра! Сегодня последний день международного состязания на звание первого игрока в бабки Тифлисский чемпион по игре в козыи кочи оспаривает бабошное первенство у вологжанина... Да только Ваня себя в обиду не даст, и к вечеру Театральная площадь в пятый раз увидит его победителем.

Автомобиль все замедлял свой бег, миновал Лубянскую площадь, сохранившую и Китайгородскую стену, и виталиевских мальчиков, и спускался мимо Первопечатника вниз. Театральная площадь была залита морем голов, фейерверком ярких, горящих на солнце флагов, многоярусными трибунами, поднимающимися почти до крыши Большого театра, и ревом толпы. Игра в бабки была в полном разгаре.

Кремнев посмотрел налево, и сердце его учащенно забилося. «Метрополя» не было. На его месте был разбит сквер и возвышалась гигантская колонна, составленная из пушечных жерл, увитых металлической лентой, спиралью поднимавшейся кверху и украшенной барельефом. Увенчивая колоссальную колонну, стояли три бронзовых гиганта, обращенные друг к другу спиной и дружески взявшиеся за руки

Кремнев едва не вскрикнул, узнав знакомые черты лица.

Несомненно, на тысяче пушечных жерл, дружески подерживая друг друга, стояли Ленин, Керенский и Милюков.

Автомобиль круто повернул налево, и они пронеслись почти у подножья монумента.

Кремнев успел на барельефе различить несколько фигур Рыкова, Коновалова и Прокоповича, образующих живописную группу у наковальни. Середу и Маслова, занятых посевом, и не смог удержаться от недоуменного восклицания, в ответ на которое его спутник процедил сквозь зубы, не вынимая из сих последних дымящейся трубки:

– Памятник деятелям великой революции.

– Да, послушайте, Никифор Алексеевич, ведь эти же люди вовсе не образовывали в своей жизни таких мирных групп!

– Ну, для нас в исторической перспективе они сотоварищи по одной революционной работе, и поверьте, что теперешний москвич не очень-то помнит, какая между ними была разница! Хоп! черт возьми, чуть песика не задавил!

Автомобиль шарахнулся налево, дама с собачкой направо; поворот, машина ныряет в какую-то подземную трубу, несколько мгновений несется с бешеной скоростью под землей в ярко освещенном тоннеле, вылетает на берег Москвы-реки и останавливается около террасы, уставленной столиками.

– Давайте на дорогу коку с соком выпьем, сказал Минин, вылезая из авто.

Кремнев оглянулся вокруг, перед ним высилась громада моста, настолько точно воспроизводящая Каменный мост XVII века, что он казался сошедшим с гравюры Пикара. А сзади в полном великолепии, горя золотыми куполами, высился Кремль, со всех сторон охваченный золотом осеннего леса.

Половой в традиционных белых брюках и рубашке принес какой-то напиток, напоминающий гоголь-моголь, смешанный с цукатами, и наши спутники некоторое время молча созерцали.

– Простите, – начал Кремнев после некоторого молчания. – Мне, как иностранцу, непонятна организация вашего города, и я не совсем представляю себе историю его расселения.

– Первоначально на переустройство Москвы повлияли причины политического свойства, – ответил его спутник. В 1934 году, когда власть оказалась прочно в руках крестьянских партий, правительство Митрофанова, убедившись на многолетней практике, какую опасность представляют для демократического режима огромные скопления городского населения, решилось на революционную меру и провело на Съезде Советов известный, конечно, и у вас в Вашингтоне декрет об уничтожении городов свыше 20000 жителей.

Конечно, труднее всего этот декрет было выполнить в отношении к Москве, насчитывающей в 30-е годы свыше четырех миллионов населения. Но упрямое упорство вождей

и техническая мощь инженерного корпуса позволили справиться с этой задачей в течение 10 лет.

Железнодорожные мастерские и товарные станции были отодвинуты на линию пятой окружной дороги, железнодорожники двадцати двух радиальных линий и семьи их были расселены вдоль по линии не ближе того же пятого пояса, то есть станции Раменского, Кубинки, Клина и прочих. Фабрики постепенно были эвакуированы по всей России на новые железнодорожные узлы.

К 1937 году улицы Москвы стали пустеть, после заговора Варварина работы, естественно, усилились, инженерный корпус приступил к планировке новой Москвы, сотнями уничтожались московские небоскребы, нередко прибегали к динамиту. Отец мой помнит, как в 1937 году самые смелые из наших вождей, бродя по городу развалин, готовы были сами себя признать вандалами, настолько уничтожающую картину разрушения являла собой Москва. Однако перед разрушителями лежали чертежи Жолтовского, и упорная работа продолжалась. Для успокоения жителей и Европы в 1940 году набело закончили один сектор, который поразил и успокоил умы, а в 1944 все приняло теперешний вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.